

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-32-35

ЕРШОВ Андрей Александрович,
аспирант кафедры гражданского права, Челябинский
государственный университет,
e-mail: brodrus@yandex.ru

СТАНДАРТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Предмет исследования — роль принципа добросовестности (статья 1, статья 10 ГК РФ) в распределении санкционных рисков между сторонами предпринимательского договора. Цель работы — определить содержание стандарта добросовестного поведения предпринимателя в условиях трансграничных санкций. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. В результате обосновано, что в условиях санкций стандарт добросовестности повышается: от должника ожидается активный поиск правомерных способов исполнения; раскрыты функции санкционной оговорки и правила эстоппеля; предложены критерии распределения санкционных рисков. Область применения результатов — договорная и судебная практика. Новизна состоит в обосновании принципа добросовестности как инструмента справедливого распределения санкционных рисков. Сделан вывод о целесообразности рекомендации типовых санкционных оговорок и разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ критериев добросовестного поведения сторон.

Ключевые слова: свобода договора, добросовестность, санкционные риски, санкционная оговорка, эстоппель, предпринимательская деятельность.

ERSHOV Andrey Aleksandrovich,
postgraduate student, Department of Civil Law, Chelyabinsk
State University

THE STANDARD OF GOOD FAITH OF THE ENTREPRENEUR AND THE ALLOCATION OF SANCTIONS RISKS IN CONTRACTUAL RELATIONS

Annotation. The subject of the research is the role of the principle of good faith (Article 1, Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) in the allocation of sanctions risks between the parties to a commercial contract. The purpose is to determine the content of the standard of good faith of the entrepreneur under cross-border sanctions. The methodology comprises the formal-legal, comparative-legal and systemic methods. As a result, it is substantiated that under sanctions the standard of good faith rises: the debtor is expected to actively seek lawful means of performance; the functions of a sanctions clause and the estoppel rule are revealed; criteria for the allocation of sanctions risks are proposed. The scope of application covers contractual and judicial practice. The novelty lies in substantiating the principle of good faith as an instrument for the fair allocation of sanctions risks. It is concluded that model sanctions clauses should be recommended and that the Plenum of the Supreme Court should clarify the criteria of good-faith conduct of the parties.

Key words: freedom of contract, good faith, sanctions risks, sanctions clause, estoppel, entrepreneurial activity.

Введение в проблему

Принцип добросовестности и автономия воли сторон в условиях трансграничных санкций вступают в сложное взаимодействие. С одной стороны, свобода договора предполагает право сто-

рон самостоятельно распределять риски; с другой — санкционное воздействие порождает риски, которые стороны при заключении договора нередко не учитывали и которые не охватываются их первоначальной волей. В этих условиях принцип

добросовестности (пункт 3 статьи 1, статья 10 ГК РФ) приобретает значение ключевого инструмента, позволяющего суду оценивать поведение сторон и справедливо распределять неблагоприятные последствия санкций [3; 6].

Центральная практическая проблема состоит в определении того, кто из участников договора несёт санкционный риск и какого поведения право ожидает от добросовестного предпринимателя, столкнувшегося с санкционными ограничениями [5]. Решение этой проблемы имеет прямое значение как для разрешения конкретных споров, так и для договорной практики, формирующей механизмы превентивного распределения рисков.

Актуальность темы усиливается тем, что санкционные ограничения, в отличие от обычных коммерческих рисков, имеют публично-правовое и внешнее происхождение и не поддаются полному контролю ни одной из сторон [7]. Это смещает акцент с вопроса о вине должника на вопрос о добросовестном и разумном распределении бремени неблагоприятных последствий, что традиционно относится к сфере действия принципа добросовестности.

Повышенный стандарт добросовестного поведения в условиях санкций

В условиях санкционного воздействия от участника предпринимательской деятельности ожидается не пассивная ссылка на санкции, а активное добросовестное поведение, направленное на сохранение договорной связи и минимизацию потерь контрагента. Согласно пунктам 1 и 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 добросовестным признаётся поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны; при установлении недобросовестности суд вправе отказать в защите права полностью или частично [4].

Такой повышенный стандарт тесно связан с критериями освобождения от ответственности: должник, не доказавший принятия разумных мер для преодоления препятствий, не может рассчитывать на освобождение со ссылкой на непреодолимую силу (пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7). Тем самым добросовестность выступает связующим звеном между свободой договора, институтом непреодолимой силы и распределением санкционных рисков [11].

Содержание повышенного стандарта раскрывается через несколько взаимосвязанных требований: разумную осмотрительность при заключении договора, активное содействие исполнению (своевременное уведомление контрагента и по-

иск правомерных альтернатив) и лояльность, запрещающую использовать санкционную ситуацию для извлечения необоснованных преимуществ или одностороннего пересмотра условий в свою пользу.

Тем самым принцип добросовестности выполняет двойную функцию: он одновременно повышает требования к должнику, ссылающемуся на санкции, и ограничивает кредитора, злоупотребляющего своим положением вопреки объективно изменившимся обстоятельствам [8]. Эта двусторонняя направленность отличает добросовестность от формальных институтов освобождения от ответственности.

Преддоговорная добросовестность и санкционные оговорки

Эффективным частноправовым средством превентивного распределения санкционных рисков выступает специальное договорное условие — санкционная оговорка. Её включение в договор является проявлением свободы договора и одновременно реализацией требования добросовестности на стадии переговоров (статья 434.1 ГК РФ), обязывающего стороны раскрывать существенную информацию и учитывать интересы контрагента [2].

Типовая санкционная оговорка должна определять перечень релевантных санкционных режимов, правовые последствия их введения (приостановление исполнения, изменение порядка расчётов, право на отказ от договора или его изменение), порядок взаимного уведомления и сотрудничества сторон, а также распределение дополнительных издержек. Наличие такой оговорки существенно снижает правовую неопределённость и переводит распределение рисков из сферы судебного усмотрения в плоскость согласованной воли сторон [9].

Вместе с тем сама санкционная оговорка подлежит оценке с позиций добросовестности. Включение в стандартную проформу односторонней оговорки, полностью перекладающей санкционные риски на более слабого контрагента, может быть квалифицировано как несправедливое договорное условие, не подлежащее судебной защите; в этом проявляется ограничивающая функция добросовестности применительно к содержанию договора [6].

Распределение санкционных рисков и правило эстоппеля

При отсутствии договорного регулирования распределение санкционного риска осуществляется судом исходя из общих начал гражданского права. По общему правилу риск возлагается на ту сторону, в чьей хозяйственной сфере он реализовался, с учётом критерия предвидимости санкций

на момент заключения договора: предприниматель, принявший обязательство в условиях очевидных санкционных рисков, по существу принял на себя и связанные с ними последствия [1].

Принцип добросовестности проявляется также через правило эстоппеля, не допускающее противоречивого поведения участника оборота в ущерб разумным ожиданиям контрагента (*venire contra factum proprium*). Российское законодательство закрепило ряд специальных эстоппелей — запрет ссылаться на недействительность сделки для стороны, из поведения которой явствовало воля сохранить её силу (пункт 5 статьи 166 ГК РФ), и запрет требовать признания договора незаключённым для стороны, принявшей исполнение (пункт 3 статьи 432 ГК РФ) [4].

При распределении санкционных рисков существенное значение имеет разграничение сфер контроля сторон: индивидуальный риск, связанный с положением конкретной стороны, и системный риск, в равной мере затрагивающий обоих контрагентов и подлежащий более справедливому, как правило долевого, распределению. Такой подход согласуется с идеей добросовестного сотрудничества и предотвращает переложение всего бремени санкций на экономически более слабого участника.

Сравнительно-правовой аспект

Сопоставление с зарубежными правовыми порядками подтверждает универсальность стандарта добросовестности как инструмента распределения рисков. Германское право закрепляет основополагающий принцип *Treu und Glauben* (§ 242 BGB), а также институт нарушения основания сделки (§ 313 BGB), позволяющий адаптировать договор при существенном изменении обстоятельств, из которых исходили стороны [8].

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА возлагают на стороны общую обязанность действовать добросовестно и сотрудничать, а также предусматривают механизм пересмотра договора при существенном затруднении исполнения. Идея добросовестности как основы договорных отношений имеет глубокие корни и в отечественной доктрине, последовательно развивавшей учение о доброй совести [10].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что повышение требований к поведению сторон в кризисных условиях является общей тенденцией: и континентальные правовые порядки, и право международной торговли исходят из того, что добросовестная сторона обязана предпринять разумные усилия для адаптации обязательства, прежде чем ссылаться на освобождение от ответственности. Восприятие этого подхода отвечает потребностям российского оборота в условиях санкционного

давления [11].

Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет заключить, что в условиях санкционного воздействия стандарт добросовестного поведения предпринимателя объективно повышается: от него ожидается активный поиск правомерных способов исполнения и сотрудничество с контрагентом, а не пассивная ссылка на санкции. Принцип добросовестности выполняет функцию универсального инструмента справедливого распределения санкционных рисков, дополняющего и корректирующего как договорное регулирование, так и применение институтов непреодолимой силы и изменения обстоятельств [9].

На основании изложенного предлагается рекомендовать участникам предпринимательского оборота включение в договоры типовых санкционных оговорок, а Пленуму Верховного Суда Российской Федерации — обобщить практику и разъяснить критерии добросовестного поведения сторон и распределения санкционных рисков в договорных отношениях. Это способствовало бы повышению предсказуемости правоприменения и укреплению устойчивости гражданского оборота [7].

Список литературы:

- [1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
- [2] Васильева А.А. Контрактные основания прекращения договора поставки. Санкции как форс-мажор // Образование и право. 2022. № 11. С. 197–202.
- [3] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
- [4] Добровинская А.В. Договорная ответственность в современном гражданском обороте // Образование и право. 2021. № 5. С. 99–104.
- [5] Зараев П.А. Контрсанкционные ограничения свободы договора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 4. С. 642–649.
- [6] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора. М.: Статут, 2012. 452 с.
- [7] Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 184 с.
- [8] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. 192 с.
- [9] Мансуров Г.З. Предпринимательские риски: обзор эволюции доктрины, законодательства и судебной практики // Бизнес, менеджмент и право.

2022. № 2. С. 44–50.

[10] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 1. С. 124–181.

[11] Петрова Д.С. Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовом аспекте // Образование и право. 2022. № 9. С. 162–168.

References:

[1] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. 3rd ed., revised M.: Statute, 2011. 847 pp.

[2] A.A. Vasilyeva. Contractual Grounds for Termination of Supply Contract. Sanctions as force majeure // Education and law. 2022. № 11. S. 197-202.

[3] Griбанov V.P. Exercise and protection of civil rights. M.: Statute, 2001. 411 p.

[4] Dobrovinskaya A.V. Contractual liability in modern civil circulation // Education and law. 2021. № 5. S. 99-104.

[5] Zaraev P.A. Counter-sanction restrictions on

freedom of contract // Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. 2023. Т. 33, NO. 4. S. 642-649.

[6] Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits: in 2 vols. Т. 1: Theoretical, historical and political-legal grounds of the principle of freedom of contract. M.: Statute, 2012. 452 p.

[7] Keshner M.V. Economic sanctions in modern international law: monograph. M.: Prospect, 2015. 184 pp.

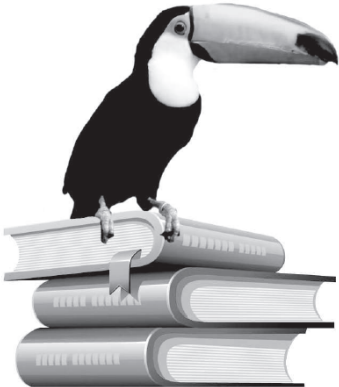
[8] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. M.: Statute, 2017. 192 p.

[9] Mansurov G.Z. Entrepreneurial risks: an overview of the evolution of doctrine, legislation and judicial practice // Business, management and law. 2022. № 2. S. 44-50.

[10] Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft of compulsory law // Bulletin of civil law. 2006. Т. 6, NO. 1. S. 124-181.

[11] Petrova D.S. Sanctions and their impact on contractual obligations in a comparative legal aspect // Education and law. 2022. № 9. S. 162-168.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru